УДК 321; 327; 328

Дмитрий ДАНИЛОВ

ПРИДНЕСТРОВСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: ВНЕШНИЙ КОНТЕКСТ

После окончания “холодной войны” Европе в наследие досталась высокая нестабильность на востоке континента после распада СССР и так называемая балканизация постсоветского пространства, где дезинтеграционные процессы усиливались острыми этнополитическими конфликтами. Только один из них, молдово-приднестровский удалось довольно быстро вывести из фазы вооружённого противостояния. Однако мирные планы и инициативы внешних участников переговорного процесса (включая российский “план Козака”) не приблизили стороны к достижению политического решения, политическое урегулирование так и не достигнуто.

В сентябре 2015 г. Приднестровская Молдавская Республика готовится отметить 25-летие независимости, хотя и не признанной ни Республикой Молдова, ни внешними участниками процесса урегулирования в формате “5+2” (в “пятёрку”, наряду со сторонами конфликта, входят страны-гаранты Россия и Украина, и ОБСЕ как посредник, к которым присоединилась “двойка” наблюдателей – ЕС и США)¹.

В течение этого четверть векового периода “приднестровский фактор” оказывал заметное воздействие как на региональную ситуацию, так и на отношения между внешними игроками и силами, формируя и “поля напряжённости”, и “окна возможностей” [Язькова, 2012: 75–86]. “Мезеберский меморандум” А. Меркель и Д. Медведева (2010 г.), направленный на достижение прорыва в приднестровском урегулировании в качестве пилотного проекта “нового качества” сотрудничества Россия – ЕС в сфере безопасности, дал прямо противоположный результат. Брюссель и Москва не смогли договориться ни о создании совместного внешнеполитического комитета, ни об общем активном подходе по приднестровской проблеме, так и не

¹ “5+2” – краткое обозначение “Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию”, официально учреждённого 20 февраля 2002 г.

© *Данилов Дмитрий Александрович* – к.э.н., заведующий отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН. *Адрес:* 125993, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. *E-mail:* dm.danilov@mail.ru

Ключевые слова: приднестровское урегулирование, Молдова, Приднестровье, ЕС, Россия, конфликт, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), углублённая и всеобъемлющая зона свободной торговли (УВЗСТ), кризис на Украине, переговоры “5+2”.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/sovereign220152033>

придя к согласию, что “вперёд” – сближение на основе урегулирования или наоборот. Провал “Мезеберга” и усилившее соперничество России и Запада на постсоветском пространстве после окончания короткого периода “перезагрузки” ещё больше осложнили поиск компромисса между Молдовой и Приднестровьем.

При этом за последние годы существенно изменился и сам характер развития конфликтов на постсоветском пространстве. Сначала провозглашение и признание независимости Косово стало для многих, включая самопровозглашённые республики и квазигосударственные образования, если не прецедентом, то “рабочей моделью” на будущее. Последовавшая в 2008 г. война в Грузии стала очевидным свидетельством сохраняющейся высокой конфликтности постсоветского пространства, где так называемые замороженные конфликты сохраняют свою высокую взрывоопасность. Но и они, как подтвердил кризис на Украине, отнюдь не локальные и не локализованные очаги напряжённости: нарастание нестабильности и конфликтного потенциала и в других зонах может относительно быстро перерасти в острую и даже “горячую” фазу. Именно поэтому “постсоветские” конфликты стали трактоваться уже не как замороженные, а как затяжные, а значит, потенциально взрывоопасные. Украинский кризис показал, что угроза “балканизации” постсоветского пространства не только не преодолена, но и вновь существенно усилилась – особенно в нынешней ситуации, когда эскалация внутреннего кризиса на Украине привела к эрозии сложившейся после окончания “холодной войны” европейской системы безопасности и к фундаментальному конфликту между Россией и Западом. Геополитическое противостояние в Европе, спровоцированное украинским кризисом, в свою очередь, кардинально изменило внешний контекст урегулирования затяжных конфликтов, включая приднестровский. Более того, усилились риски его “украинизации”, имея в виду как возможную регионализацию украинского конфликта, так и его “сценарное” повторение на Днестре.

Все эти обстоятельства требуют предметного осмысления развития приднестровского конфликта в новой ситуации, существенно изменяющей его характер и содержание, возможности и перспективы мирного урегулирования.

От Лиссабона до Владивостока: координаты Молдовы/Приднестровья

Поскольку Молдова/Приднестровье являются двойной периферией (для ЕС и России)¹, ситуация в зоне конфликта определяется прежде всего динамикой российско-европейских отношений. И прежде, задолго до украинского кризиса, было очевидно, как отмечал П. Кандель, что в конечном счёте судьба Приднестровья будет определяться общим контекстом отношений России с ЕС и Украиной, и “ничто не предвещает, что в этих отношениях соперничество за влияние на Украину и Молдову станет слабее” [Кандель, 2011: 204]. В этом смысле приднестровский конфликт теперь следует рассматривать прежде всего как “кризисную зону” европейского порядка, идеологии Европы от Лиссабона до Владивостока, обрушенных украинским кризисом – серьёзнейшим в российско-западных отношениях после холодной войны. Кризис на Украине отражает постоянно углублявшийся и ставший предельно острым конфликт интересов между расширяющимся Западом и Россией, укрепляющей свои позиции на Востоке. Он подвёл черту под коротким периодом кооперативной “перезагрузки”, заблокировав формирование общих пространств и продвижение в направлении Большой Европы, спровоцировал новый глубокий раскол в Европе, причём такой, когда экспертно-политический дискурс

¹ По выражению Т. Ларюшиной, руководителя Департамента экономической политики Института развития и социальных инициатив “Viitorul” (Кишинёв) и бывшего советника по экономическим вопросам Президента Республики Молдова в 1997–2001 гг.

уже ведётся в контексте “новой холодной войны” и возросших рисков [Иванов, 2015]. Институциональное сотрудничество “двух Европ” сменилось по существу их “кризисным диалогом”, существенно ухудшились политико-дипломатические отношения по всем линиям конфигурации Россия – США – НАТО – ЕС. Институты сотрудничества находятся в анабиозе или “на искусственном дыхании”. ОБСЕ, Совет Европы и ПАСЕ, Совет Россия – НАТО, G8 (вернувшаяся к формату “семёрки”, а точнее “8-1”) и G20, Совет Европы и ПАСЕ стали в большей мере ареной столкновения интересов, нежели площадками взаимодействия (в том числе, конечно, и в болевых точках, включая конфликты на постсоветском пространстве).

“Две интеграции”

Евразийская интеграция изначально была воспринята Евросоюзом как идеологический проект, направленный на противодействие западной экспансии. В информационном пространстве даже была запущена расшифровка аббревиатуры ТС (Таможенный союз) как “Таёжный союз”. Москва, заявившая об инклюзивности евразийского проекта в качестве вклада в построение общеевропейских пространств, не смогла добиться от Брюсселя соответствующей корректировки политики Восточного партнёрства Евросоюза. И если десять лет назад ЕС безуспешно пытался убедить Россию принять концепцию “общего соседства”, то в 2010-х гг. Брюссель, ссылаясь на демократический выбор восточных партнёров, перешёл к его активному освоению на основе собственной нормативной базы, не принимая в расчет российские озабоченности. Фактический отказ ЕС обсуждать параметры будущей ассоциации Украины и Молдовы с учётом российских интересов, в духе гармонизации двух интеграционных пространств – европейского и евразийского, спровоцировал усиление российско-западного соперничества и углубление системных общественно-политических расколов в этих странах. Отказ Брюсселя от переговоров с Москвой мотивировался его непониманием того, что “новые соглашения подрывают российские экономические и торговые интересы в СНГ”. “Рассматривая детали, трудно понять почему”, – до сих пор утверждают европейские эксперты [Popescu, 2015].

Вильнюсский саммит “Восточного партнёрства” в ноябре 2013 г. привёл в действие часовой механизм назревавшего геополитического конфликта, в котором “мягкая сила” Евросоюза стала фактором изменения европейской среды (“жёсткой”) безопасности. “Общее соседство” из пространства соперничества по существу превратилось в поле прямого геополитического столкновения. Его главный фронт проходит по Украине, но Молдова/Приднестровье также являются частью геополитических рубежей, на которых стремятся закрепиться Запад и Россия. Соглашение об ассоциации и об углублённой и всеобъемлющей зоне свободной торговли (УВЗСТ) между Евросоюзом и Молдовой (вступили в силу 1 сентября 2014 г.) с одной стороны, и Договор о Евразийском экономическом союзе – ЕАЭС (вступил в силу 1 января 2015 г.), с другой стороны, закрепили новую реальность. Теперь попытки “договориться” рассматриваются в категориях минимизации рисков и ущерба, но отнюдь не в парадигме возвращения к концепциям общих пространств.

Россия – НАТО: спарринг “стратегических партнёров”

На этом фоне заметно усилилась военно-силовая составляющая европейской политики и возросли связанные с этим вызовы европейской безопасности. Произошел очередной, в целом ожидаемый и, очевидно, долгосрочный разворот в отношениях Россия – НАТО. Решения валлийского саммита НАТО в сентябре 2014 г. отражают дрейф отношений от лиссабонского вектора стратегического партнёрства к валлийскому взаимному сдерживанию, включая межевропейские границы передо-

вого базирования и укрепление американских военно-политических гарантий в Восточной Европе против российской угрозы. В этом контексте Россия становится особенно чувствительной к натовским программам партнёрства и тем более к политике открытых дверей, понимая под этим усиление антироссийского фронта и возрастание военных угроз с западного направления. США и НАТО, уважая нейтральный статус Молдовы, тем не менее настойчиво демонстрируют свою “приверженность” укреплению её безопасности с учётом “российской агрессии”, документально перечисляя Молдову через запятую после Украины в качестве адресатов помощи и содействия.

Крым и Севастополь: приднестровская проекция

Москва продемонстрировала, что готова к жёстким геополитическим ответам, несмотря на очевидные издержки. Тезис президента В. Путина о российской “пружинке”, которую нельзя сжимать до предела, является логичным итогом его “мюнхенского предупреждения” в 2007 г. и сигналом Западу о готовности России “держат удар”. Любые западные санкции лишь усугубляют ситуацию, заставляя Россию усиливать противодействие.

“Российская непредсказуемость”, которой традиционно опасались на Западе, трансформировалась в вероятность непредсказуемого. Эффективность и быстрота процесса принятия решений, замкнутых на президента на вершине вертикали власти (когда президент берёт на себя ответственность, остальные исполняют решение), демонстрируют готовность и способность России ответить на западную тактику и на умение вести изнуряющую позиционную борьбу стратегическим ходом, изменяющим правила игры.

Обоснование крымского решения как восстановление исторической справедливости, включая, очевидно, личные мотивы президента Путина как патриота России и собирателя Русского мира, неизбежно заставляют задуматься о незаконченности проекта – в качестве российского типового для других пространств “русского мира” – Приднестровья, Новороссии и т. д. Крымский сценарий (и тезис “если бы Крым не стал нашим, туда вошла бы НАТО”) формирует новые координаты политического моделирования для всех игроков молдово-приднестровского направления.

Действительно, российская цена за Крым крайне высока по всем параметрам – политическим и экономическим, внешним и внутренним. Это, с одной стороны, является для Москвы сдерживающим фактором для мультипликации не только крымской модели, но и модели крымского поведения. С другой стороны, Россия не может сдавать позиции, и принцип “ни шагу назад” будет, очевидно, основополагающим для будущих действий. Но такая российская решимость в отношении крымского вопроса, государственные программы по социально-экономическому подъёму Крыма и его ребрендингу заставляют другие пророссийские силы и территории “просчитывать” своё будущее в контексте крымской перспективы. “Хотя представители Тирасполя, в частности, председатель Верховного Совета региона М. Бурла, просили РФ принять Приднестровье в свой состав, по примеру Крыма, из Москвы не следовало никаких положительных новостей” [Шевченко, 2015]. При этом возможности Москвы снизить градус подобных ожиданий ограничены, поскольку, во-первых, речь идёт о её союзниках на геополитическом плацдарме (в фазе углубляющегося кризиса), во-вторых, Москва не может стать предателем своих собственных интересов, в том числе в глазах собственных граждан.

В результате протест Запада против “аннексии Крыма” и “российской агрессии” также не сводится лишь к крымской дилемме. Казус Крыма рассматривается как подтверждение (после войны в Грузии) российского империализма, который перешел в открытое наступление. Непризнание Западом особых интересов России на

постсоветском пространстве теперь заставляют его рассматривать российскую политику в категориях реванша и, следовательно, сдерживания. Соответствующим образом трансформируется и западная политика в отношении Молдовы/Приднестровья. Применяя аллгорию О.Д. Рогозина, спецпредставителя президента по Приднестровью, можно сказать, что ЕС стремится обеспечить жёсткую сцепку между приднестровским “вагоном” и молдавским составом, следующим по западному маршрутному листу.

“Украинские” риски

Новый вооружённый конфликт в центре Европы, беспрецедентный по масштабам, рискам и последствиям, изменяет европейскую военно-политическую ситуацию. Ключевой становится проблема невоенного решения на Украине. Молдова/Приднестровье оказываются пограничьем масштабного и развивающегося военно-политического конфликта, имеющего не только региональное, но и евроатлантическое измерение. Перспектива мирного плана остаётся по меньшей мере неопределённой, а дальнейшая эскалация весьма вероятной, как и обострение других внутренних социально-политических конфликтов на Украине. На этом фоне неизбежно возникают пакетные сценарии в отношении Приднестровья как с учётом эволюции украинского конфликта, так и возможностей использования Приднестровья в большой игре. В самом Приднестровье усилилась мотивация к консолидации своего суверенитета и закреплению политической независимости – в логике украинских событий, особенно после присоединения Крыма и Севастополя к России и провозглашения Донецкой и Луганской республиками независимости (и проведенных там 2 ноября 2014 г. выборов органов власти). Будущее Украины и Новороссии, динамика военно-политической ситуации, возможность новой военной эскалации, политические решения в этой связи – эти факторы увеличивают риски нестабильности и крайне сужают спектр автономных решений для Молдовы/Приднестровья.

Внутренний потенциал урегулирования

Вследствие кардинальных геополитических сдвигов и новых реалий изменилось место и восприятие молдавско-приднестровской темы в повестке и политике всех игроков и связанные с этим интересы – как внешних, так и сторон конфликта. Если возможности сторон конфликта договориться в формате “1+1” при относительно благоприятной политической конъюнктуре и с опорой на поддержку внешних переговорщиков, были весьма невелики, то в нынешней ситуации российско-западного противостояния, они близки к нулю. Внутренний конфликт рассматривается, во-первых, преимущественно в контексте конфликта интересов внешних игроков, во-вторых, обострившейся дилеммы внешнего выбора самих конфликтующих сторон. Если ранее речь шла, например, о перспективах “пилотного проекта/моста сотрудничества” между Россией и ЕС (Мезебергский меморандум), то теперь диапазон политических опций сместился в направлении негативной области – вплоть до прифронтовой зоны. Причём даже если Приднестровье не только карта в большой игре, но всё-таки и один из резервов прагматического взаимодействия – все эти опции рассматриваются в парадигме “игры с нулевой суммой”.

Существенное давление внешних факторов в условиях фундаментальных противоречий между внешними участниками урегулирования спровоцировало приостановку в октябре 2014 г. переговоров “5+2”, хотя формально о приостановке объявил Тирасполь в связи с “давлением со стороны Кишинева”. С одной стороны, снизились автономные возможности Кишинева и Тирасполя договариваться. С другой стороны, внешний конфликт переговорщиков и глубокий кризис на Украине –

не только государства-гаранта, но и посредника в качестве председателя в ОБСЕ в 2013 г. – ретранслируется на площадку “5+2”. Политика малых шагов как общая модель продвижения к урегулированию практически перестает работать в условиях больших политических и экономических ставок, содержательная часть переговоров провисла. Вопрос “малые шаги – куда?” стал как никогда очевидным и острым. Капитаны молдавско-приднестровского катамарана с новой силой гребут к разным берегам, и в этой ситуации уже неуместно утирать пот со лба друг друга. В этой связи возникла проблема (не)сохранения переговорного формата и переоценки его субстантивной повестки и задач.

Текущие изменения на молдавско-приднестровском направлении являются в основном не факторами будущего, а именно текущими событиями, отражающими общий контекст европейской политической ситуации и среды, но не значимыми движущими силами процесса урегулирования. Их обратное влияние на ситуацию, складывающуюся вокруг приднестровского конфликта, не исключая даже фактор парламентских выборов в Молдове 30 ноября 2014 г. Они формально подтвердили европейский выбор Молдовы, но по сути продемонстрировали отсутствие его осознанной поддержки обществом, а также не позволили преодолеть традиционную для Молдовы конъюнктурно-электоральную мотивацию, но отнюдь не политико-стратегическую. “Евроинтегранты”, получив незначительное большинство, стремятся оправдать оформленный соглашением с ЕС европейский выбор, не смотря на то, что для этого они по-прежнему не имеют поддержки половины молдавского электората, а для формирования новой правящей коалиции должны были провести рокировку, отказавшись от прежнего партнёра – Либеральной партии (М. Гимпу) на Партию коммунистов (ПКРМ). Левая оппозиция, несмотря акцентированную ставку в предвыборной борьбе на пророссийскую альтернативу, Таможенный союз и евразийскую интеграцию, даже в случае победы вряд ли была бы способна столь кардинально сменить курс и могла рассчитывать лишь на больший ресурс гибкости для маневрирования между Москвой и Брюсселем. После формирования правящей коалиции “За европейскую Молдову” и вхождения в неё ПКРМ, решимость И. Додона – председателя основной оппозиционной силы – Партии социалистов Молдавии работать на проведение досрочных парламентских выборов, на которых “будет сформирована промолдавская, прогосударственная власть, которая аннулирует соглашение об ассоциации с ЕС”¹, отражает сохраняющуюся неустойчивость партийно-политической системы в Молдове, но вряд ли реальные политические альтернативы.

Несмотря на общую заинтересованность в продолжении переговоров, которые по-прежнему ориентированы на поддержку диалога и договоренностей сторон конфликта, возможности последних по достижению компромиссов в условиях более широкого европейского кризиса крайне ограничены. Они не могут выйти из его политической логики и вынуждены в большей степени встраиваться в “большую игру” внешних игроков.

Формат урегулирования: ящик Пандоры

Возникшая в 2014 г. новая пауза в переговорах “5+2” вследствие обострения взаимных претензий и отношений между Кишиневом и Тирасполем, рассматривалась в Москве не как проблема, а, скорее, как подтверждение её правоты в том, насколько разрушительными могут быть попытки ревизионизма сложившегося формата и содержания переговоров. К тому же это стало, вероятно, довольно удобной прагматической опцией “поживём – увидим” (“wait and see”), позволившей России взять

¹ Лидер молдавских социалистов: досрочные выборы в парламент реально провести до конца года. / ТАСС, 29 января 2015. (<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1730796>)

тактическую паузу в ситуации региональной и геополитической неопределённости (в том числе в контексте выборов на Украине, в ДНР/ЛНР, Молдове, и даже Румынии), когда невозможно “ставить телегу впереди лошади” и ясно формулировать конструктивную переговорную повестку. В частности, Москва, вероятно, хотела более ясно представить для себя облик будущих партнёров за столом “5+2”. Замена молдавского представителя на переговорах в преддверии выборов в Молдове подтверждала, что необходимо дождаться более ясной послевыборной ситуации.

У Москвы возникли и очевидные вопросы по поводу украинского участия, в том числе и после провала украинского председательства в ОБСЕ в 2013 г. “Наши партнёры, в том числе украинские, пытаются пересмотреть базовые принципы приднестровского урегулирования в пользу кишинёвских властей, которые на нынешнем этапе явно пытаются двигаться в недемократическом направлении”, – отмечает глава российского МИД С. Лавров¹. Наряду с этим он выражает недовольство и “узурпацией” Вашингтоном поста представителя ОБСЕ по приднестровскому урегулированию и намекает на неспособность европейцев взять на себя большую ответственность под нажимом США (“других желающих не нашлось, видимо, была проведена работа”).² С другой стороны, с пониманием этой ситуации, т. е. принципиальной значимости Вашингтона (который, как и прежде, не имеет особого интереса к реальному урегулированию, но желает сохранить пост регулировщика), С. Лавров попытался убедить своего визави, госсекретаря Дж. Керри, сделать хоть что-то совместно для позитивного изменения “приднестровского” статус-кво. Однако ожидаемо Вашингтон ответил красноречивым молчанием на российское предложение “рассмотреть возможность совместного заявления, которое излагало бы подходы России и США к ближайшим задачам по восстановлению процесса приднестровского урегулирования”³. Москва как результат ограждает себя от претензий в незаинтересованности (в том числе в продолжении переговоров “5+2”), закрепляется на рубежах “wait and see” и расчищает будущее пространство для собственных действий в учете изменившейся ситуации.

Несмотря на кардинальное изменение внешней среды приднестровского урегулирования, Россия принципиально возражает против какого бы то ни было реформирования. Согласованные принципы урегулирования, подтверждение которых позволило возобновить переговорный процесс в конце 2011 г. в его нынешнем виде после почти шестилетнего перерыва, являются для Москвы неизменным критерием. Россия выступает категорически против отхода от политики “малых шагов” под предлогом активации третьей переговорной корзины (“всеобъемлющее урегулирование”). Её распечатывание, по мнению Москвы, – дело будущего, оно должно быть тщательно подготовлено как раз теми самыми последовательными малыми шагами в рамках первых двух корзин (социально-экономической и по гуманитарным и правовым вопросам).

Все участники “5+2” понимают, что тактика малых шагов оправдана для укрепления мер доверия между берегами Днестра и для решения практических вопросов молдавско-приднестровского общежития, но её результативность существенно ограничивается отсутствием стратегических целей, ориентиров политического урегулирования. Более того, поскольку основополагающие цели сторон конфликта остаются де-факто разнонаправленными (независимость ПМР vs территориальная

¹ Выступление С.В. Лаврова на открытой лекции по актуальным вопросам внешней политики Российской Федерации, Москва, 20 октября 2014 года // Международная жизнь, 20/10/2014. (<http://interaffairs.ru/read.php?item=11949>)

² МИД РФ: США “узурпировали” пост представителя ОБСЕ по Приднестровью. (<http://ria.ru/politics/20141020/1029135823.html#14229791874604&message=resize&relto=logi n&action=removeClass&value=registration>).

³ Там же.

целостность Республики Молдова), каждая из них неизбежно рассматривает социально-экономические и гуманитарно-правовые переговоры в качестве площадки борьбы с оппонентом за собственные политические интересы, а это, в свою очередь, становится барьером на пути “малых шагов”. Девальвация их стоимости в условиях существенно возросших в последний год-полтора политических ставок потребовала приложить особые усилия, чтобы договориться о возобновлении и систематическом проведении переговоров “5+2”. Россия поддержала заявление СМД ОБСЕ 4-5 декабря 2014 г. в Базеле по приднестровскому урегулированию в формате “5+2”, в котором подчеркнута “необходимость достижения осязаемого прогресса по всем трём корзинам согласованной повестки дня переговорного процесса”; особо отмечена важность увеличения частоты встреч политических представителей сторон в 2015 году и проведения встреч сторон конфликта на высоком уровне; содержится призыв к ним “повысить уровень стабильности и эффективности процесса путем согласования в начале года графика официальных переговоров в рамках процесса приднестровского урегулирования на весь год”.¹

Вместе с тем Россия, солидаризировавшись со стремлением к прогрессу по всем трём корзинам, по-прежнему не связывает это с включением в переговорную повестку обсуждение вопросов политического урегулирования и определение особого статуса Приднестровья в составе РМ, несмотря на (а может, и учитывая) настойчивость молдавской стороны, поддерживаемой западными наблюдателями. Россия, ясно осознавая сложившийся порочный круг процесса урегулирования, когда “малые шаги” пробуксовывают в условиях отсутствия ориентиров урегулирования, которое они должны были бы подготовить, не может согласиться разорвать его революционно, особенно в условиях нынешнего обострения российско-западных отношений.

Третья корзина видится из Москвы как ящик Пандоры, который настойчиво предлагают открыть западные участники “5+2”. Во-первых, если её раскрыть, Молдова потребует от России и ОБСЕ с опорой на поддержку ЕС и США перевести переговоры в русло определения конкретных путей обеспечения суверенитета и территориальной целостности РМ в соответствии с декларированными обязательствами. Фактически это означало бы принуждение Приднестровья к миру в составе Молдовы, вопреки его четвертьвековой независимости де-факто. Это, во-вторых, актуализировало бы настойчивое стремление Молдовы и её западных партнёров к пересмотру как статуса переговорщиков (его повышение для пары наблюдателей ЕС и США), так и формата миротворческой операции, российского участия и присутствия. Россия выступает категорически против и того, и другого. Москва связывает возможность изменения миротворческого формата с продвижением к урегулированию² (т. е. “когда и если”), и поэтому переговоры по третьей корзине, скорее всего, спровоцировали бы и усиление давления на Россию в этом вопросе. В-третьих, такое внешнее принуждение к миру угрожало бы не только деструктивным распадом сложившегося регионального баланса, но и эскалацией приднестровского конфликта, а отнюдь не его урегулированием. В-четвёртых, это означало бы увеличение приднестровских геополитических ставок в ситуации обострившихся

¹ Ministerial statement on the negotiations on the Transdniestrian Settlement Process in the “5+2” format. / Organization for Security and Co-operation in Europe, Ministerial Council, Basel 2014. MC.DOC/2/14, 5 December 2014. (<http://www.osce.org/cio/130386?download=true>)

² В контексте мезебергских ожиданий и решения задачи возобновления переговоров “5+2” С. Лавров заявил (март, 2011): “Безусловно, нужно думать и о том, как приспособить международное присутствие к тем задачам, которые будут вытекать уже из планов регулирования” (<http://ria.ru/politics/20110329/358935791.html#14229758741353&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>)

российско-западных противоречий, когда “благие намерения” политического урегулирования могут привести к новым, критическим разломам в Европе, включая разрастание украинского кризиса.

Тем не менее сохранение формата “5+2” остаётся для России неизменным ориентиром, она ни в коем случае не заинтересована в его повторной летаргии, а эрозия переговорно-консультативного пространства Россия – ЕС/Запад увеличивает заинтересованность в поддержании работоспособности этой площадки, на которой взаимодействуют Россия, Украина, ОБСЕ, ЕС и США.

Приднестровский конфликт в российской повестке

Итак, произошедшие в Европе деструктивные сдвиги в совокупности обуславливают обострение внутренних проблем и противоречий в зоне конфликта и снижают возможности выхода сторон на его политическое урегулирование с опорой на гарантов и посредников. Более того, крайне высокая нестабильность на Украине, нарастание там социально-политической напряжённости вооружённый характер украинского конфликта и его эскалация в январе 2015 г. – всё это заставляет рассматривать молдово-приднестровский конфликт в контексте вызовов нестабильности, идущих с Украины, а также с учётом вероятности воспроизводства “украинского” сценария в Молдове/Приднестровье.

Для России, как и для других вовлечённых сторон, всё это означает, что молдавско-приднестровская тематика рассматривается не в категориях практического урегулирования, а как один из элементов изменившейся геополитической конфигурации. Естественно, геополитические мотивы определяли ситуацию и прежде, но теперь речь идёт о качественном сдвиге повестки – от урегулирования как относительно самостоятельной политической цели и темы в направлении её обусловленности и инструментализации в рамках большой игры. Вопрос в том, насколько молдавско-приднестровская повестка является или потенциально может стать интересной и весомой для геополитических соперников, в том числе для России. Для Москвы, по-видимому, этот интерес относительно невелик. Прежде всего потому что несомненным приоритетом является Украина, учитывая как масштабность проблем, так и политико-экономическую цену вопроса.

Снижение рейтинга Молдовы в российских интересах и политике ясно обозначилось ещё до Вильнюсского саммита, и урегулирование проблем “двух интеграций” теперь ещё более отчётливо рассматривается в контексте треугольника Россия – Украина – ЕС. Неготовность Брюсселя (и Кишинева) распространить эту схему на Молдову, по-видимому, отнюдь не мотивирует Москву настаивать на своей позиции. На попытки Брюсселя поднять молдавский вымпел над проектом Восточного партнёрства и ассоциации с ЕС Москва не ответила повышением ставок. По контрасту с мезебергским этапом Молдова/Приднестровье рассматриваются и будут рассматриваться Москвой отнюдь не как какой-то пилотный проект (отношений Россия – ЕС, их сотрудничества на пространстве общего соседства, гармонизации двух интеграций, конфликтного урегулирования и т. д.), а как производная других внешнеполитических и экономических интересов России (баланс сил с западными державами и отношения с евроатлантическими институтами, Украина и т. д.). Евросоюз, со своей стороны, продолжает линию на демонстрацию на примере Молдовы успешности интеграционно-спонсорского принципа “большее за большее” и потому не склонен торговаться с Россией за Молдову, особенно учитывая её европейский акцент, закреплённый ратификацией Соглашения об ассоциации и парламентскими выборами 30 ноября 2014 года.

Хотя и в молдавском случае (также как в украинском) общий интерес – минимизация соответствующих ущербов, связанных с ассоциацией и режимом УВЗСТ, молдавские ущербы неизмеримо меньше украинских, они стоят относительно де-

шево и для ЕС, и для России. При этом Кишинев с большим основанием может рассчитывать на поддержку и патронаж Евросоюза, в том числе для компенсаций потерь на рынках России/ЕАЭС/СНГ. Евросоюз, вероятно, готов был бы их оплатить, ориентируясь на политические интересы, а Россия, понимая это, вряд ли стала бы активно бороться за молдавский рынок путём выдвижения каких-то “интересных” встречных предложений для Молдовы, особенно в ситуации неурегулированности украинского вопроса, европейских санкций и российских ответных мер. И если Брюссель и Кишинев политически и идеологически желают продемонстрировать успешность своего партнёрства, *success story*, то Москва, не получая от них позитивного ответа на свои озабоченности, будет заинтересована в демонстрации (адресованной и другим партнёрам в СНГ) прямо противоположного результата – насколько велики риски и потери Молдовы при отсутствии согласованных решений и корректив политики евроинтеграции. Поэтому если в украинском случае Москва стремится к совместной с партнёрами-оппонентами “работе над ошибками” для адаптации Соглашения об ассоциации, то её реакция на “молдавский вызов” на практике выглядит иначе – акцент на включении защитных мер, в том числе в режиме “наказания Кишинева” за российские (и приднестровские) потери. Видимо, понимая это, Молдова присоединилась к антироссийским санкциям ЕС. Однако тем самым она подтвердила, что её ассоциация с Евросоюзом усиливает политические вызовы России и одновременно снижает её интерес к прямому диалогу с Кишиневом, учитывая его политическую несамостоятельность. Не видя особых стимулов и перспектив договариваться по “молдавскому досье”, Москва, будет, очевидно, продолжать линию на жесткие ответы Кишиневу. При этом возможности снижения взаимной жёсткости лежат в поле более широких согласований между Москвой и Брюсселем, в том числе и по Украине.

В контексте геополитического спора Россия – Запад Приднестровье становится много более проблемной сферой интересов и отношений.

Приднестровье, так и не вписавшись в новую схему ассоциативных отношений Молдовы с ЕС, фактически перестало быть для неё темой переговоров с Брюсселем. Кишинев, вероятно, готов нести соответствующие вынужденные ущербы (к тому же в той или иной форме компенсируемые) от относительного разрыва связей, а углубившийся конфликт интересов позволяет Молдове делать дополнительные ставки в политическом балансировании между Западом и Востоком. Брюссель сделал Тирасполю последнее предупреждение: либо подключение (до конца 2015 г.) к сотрудничеству в режиме ассоциации ЕС – Молдова, либо пеняйте на себя. Для Тирасполя такое предложение неприемлемо, поскольку означало бы интеграцию в торгово-экономическое пространство Республики Молдова и, как следствие, утрату суверенитета и перспективы обеспечения государственной независимости. Ориентация на Россию и режимы ТС/ЕАЭС становятся для Тирасполя безальтернативными, несмотря на возрастающие риски и потери на молдавско-европейском направлении. Москва в этих условиях вынуждена распространять на Приднестровье свои защитные меры, в том числе путём подписания комплекса соглашений по развитию экономического сотрудничества и одновременного усиления давления на Кишинев (эмбарго и т. д.). Компенсация Приднестровью ущербов от неучастия в УВЗСТ, обеспечение для его продукции альтернативных или дополнительных рынков становится серьёзной проблемой для Москвы, но также и в более широком плане – с точки зрения обеспечения относительной стабильности пространства Молдовы/Приднестровья, подверженного серьёзной эрозии.

Поэтому, даже если рейтинг Молдовы в российской политике и снизился, вопрос “Что делать с Приднестровьем?”, наоборот, обострился.

В случае невозможности договориться о нормативной гармонизации двух странств и режимов на территории Молдовы/Приднестровья, что почти неизбежно,

дезинтеграционные процессы там усилятся. Однако несмотря на это, стороны не проявляют достаточной заинтересованности, а тем более настойчивости в том, чтобы начать соответствующие переговоры, ориентированные на результат. Это объективно создало бы новую политическую реальность, связанную с пересечением точки невозврата (к реинтеграции). Диапазон сценариев политического решения расширится, а риски их реализации и конфликт интересов (в том числе не только между политическими игроками, но и их собственных внутренних мотиваций) существенно возрастут. В условиях растущей нестабильности и неопределенности, крайне сложно прогнозировать реакции основных игроков на нарастающую императивность выбора будущей модели политического разрешения молдово-приднестровского конфликта в его новой фазе.

Тем не менее украинский кризис демонстрирует, что объективно базовым интересом является согласованное поддержание внутренней стабильности и недопущение эскалации конфликта. По-видимому, ресурс радикальных (революционных) решений с российской точки зрения исчерпан, и основные усилия Москвы будут сосредоточены на поиске путей преодоления негативных и деструктивных последствий кризиса европейской системы и развивающегося конфликта Киев – ДНР/ЛНР. И хотя вопрос “Что делать с Приднестровьем?” стал более острым, Москва отнюдь не склонна актуализировать его в своей практической политике, тем более в каком-то пакетном контексте Крым/Россия/Украина/Новороссия. Москва не заинтересована в том, чтобы раскачивать ситуацию в зоне молдово-приднестровского конфликта, что может привести к его эскалации, особенно с учётом существенного возрастания противоречий на этом пространстве.

Политическое пространство для взаимодействия

И в целом, и с российских позиций пространство для взаимодействия сузилось – прежде всего вследствие обострения конфликта между Россией и Западом на постсоветском пространстве. Однако “текущий кризис в отношениях России и ЕС способен как нанести им непоправимый ущерб, так и подтолкнуть к переосмыслению перспектив сотрудничества, перезапустить зашедшие ещё до украинских событий в тупик многочисленные диалоги” [Белов, Потёмкина, 2014: 486]. В этой связи важен вопрос, насколько такая позитивная перспектива взаимодействия России и ЕС возможна в контексте приднестровского урегулирования.

Относительно низкая цена “молдавского вопроса” на фоне украинского приоритета, незаинтересованность Брюсселя и Кишинева рассматривать взаимодействие с Россией в формате “украинского досье” (трёхсторонних консультаций по нормативной адаптации торгово-экономических режимов) и тем более включать в него “пятый элемент” – Приднестровье; как следствие нежелание Москвы повышать ставки на молдавском треке – все это свидетельствует о том, что сценарии пилотных проектов сотрудничества Россия – ЕС на поле Молдова/Приднестровье и прежде не слишком реалистичные, в новой геополитической и региональной ситуации вряд ли могут рассматриваться в русле практической политики. Также как провал российско-западной перезагрузки заставил политический маятник качнуться в обратную сторону – взаимного сдерживания, так и ожидаемый неуспех “Мезеберга” обострил “вильнюсскую” дилемму, и возможности договориться по Молдове/Приднестровью предельно сократились.

В условиях высокой и растущей конфликтности, с одной стороны, а с другой – явного дефицита многостороннего взаимодействия по Молдове/Приднестровью (в том числе в формате “5+2”) Россия вынуждена очерчивать свои интересы красными линиями, нарушение которых вынуждало бы Москву изменить свои подходы. Это прежде всего необходимость соблюдать базовые принципы приднестровского урегулирования, которые, по словам С. Лаврова, “наши партнёры, в том числе

украинские, пытаются пересмотреть” в пользу кишинёвских властей. Ключевым принципом является право Приднестровья принимать решения о своём статусе самостоятельно в случае, “если Молдавия теряет свой суверенитет и поглощается другой страной или меняет свой военно-политический статус с нейтрального на блоковый”¹. Российские озабоченности вызваны усилившимися сигналами о том, что ситуация может развиваться именно в этих неприемлемых для России направлениях. Москва не только фиксирует опорные точки своей позиции, но и подаёт ясные сигналы о том, каким образом и с кем она могла бы договариваться по Молдове/Приднестровью. Нежелание нынешнего руководства Молдовы идти на закрепление её нейтрального статуса осложняет взаимодействие Кишинева с Москвой.

Одновременно Москва подчёркивает ответный характер российской реакции на неурегулированность проблем в связи с подписанием ЕС и Молдовой соглашения об ассоциации, “вынудившего Россию перейти в торговле с Молдавией с льготного на стандартный режим стран-членов ВТО по целому ряду товарных позиций, что не отвечает нашим интересам”. При этом С. Лавров проводит параллели с кризисом на Украине, предостерегая ЕС от повторения пагубного сценария, “потому что такие же планы вынашиваются в отношении Молдавии и Приднестровья”². Москва также высказывает озабоченность в связи с нарушениями (Кишиневом) принципов свободы внешнеэкономической деятельности Приднестровья (в соответствии с Меморандумом от 1997 г.).

Такие акценты в российской позиции ясно демонстрируют, что в нынешней ситуации острого конфликта интересов вокруг Молдовы/Приднестровья по всем линиям главный общий интерес состоит в сокращении взаимных ущербов и нейтрализации вызовов нестабильности и рисков в сфере безопасности. Это, в свою очередь, означает, что основная ответственность за “европейский концерт” лежит на его главных участниках, а возможности самостоятельной партии сторон конфликта близки к нулевой отметке. Возникшая пауза в отношениях Россия – ЕС по Молдове/Приднестровью в значительной мере оправдана, с одной стороны, высокой обусловленностью этой темы другими, внешними факторами и, в частности, эволюцией ситуации вокруг Украины, включая переговорный трек Россия – ЕС – Украина; с другой стороны – сдержанностью Москвы и Брюсселя и их нежеланием усиливать риски, пытаясь договориться по Молдове/Приднестровью. В этом смысле попытки нахождения развязок по Молдове/Приднестровью параллельно и тем более пакетно с Украиной могло бы не изменить статус-кво приднестровского урегулирования, а обвалить его. Однако даже если нынешняя позиционная игра на площадке Молдова/Приднестровье и оправдана (по принципу “не навреди”), в том числе и в контексте молдавских выборов, то в перспективе нежелание Брюсселя и Москвы сближаться на этой площадке объективно увеличивает проходящие по ней линии разрыва и внутреннюю эрозию. И если Россия и Евросоюз заинтересованы в минимизации рисков и ущербов, а тем более в предотвращении эскалации приднестровского конфликта, тогда им необходимо начать или хотя бы попытаться формировать общую “молдавскую/приднестровскую” повестку дня.

Как и о чём договариваться?

Брюссель в украинском контексте трактует российский курс в отношении Молдовы/Приднестровья как проекцию “российского империализма” и агрессивное “собираение русского мира”. Москва обвиняет ЕС/США/НАТО в империалистиче-

¹ Выступление С.В. Лаврова на открытой лекции по актуальным вопросам внешней политики Российской Федерации, Москва, 20 октября 2014 года // Международная жизнь, 20/10/2014. (<http://interaffairs.ru/read.php?item=11949>)

² Там же.

ской экспансии в Европе и на постсоветское пространство без учета и в ущерб основополагающим интересам РФ и её партнёров. Но именно поэтому в условиях украинского кризиса важно удержаться от его проецирования на Молдову/Приднестровье, чтобы не усиливать геополитический разлом и избежать регионализации украинского кризиса.

Брюссель должен исходить из того, что Москва именно с учётом украинских событий не заинтересована в педалировании темы приднестровской независимости. Усиление прямых связей Россия – Приднестровье является вынужденной реакцией на молдавско-ЕСовскую ассоциацию, а не попыткой оторвать Приднестровье. Москве следует исходить из того, что Брюссель/Кишинев уже фактически отказались от сценария сцепки Приднестровья с уходящим поездом Кишинев – Брюссель. Поэтому объективно ситуация стала более прозрачной, и если Москва и Брюссель не хотят усиления конфликта на молдавском рубеже, они должны договариваться о мерах по недопущению развала политико-экономического пространства Молдовы/Приднестровья.

Однако в данном случае речь идёт не об амбициозной задаче нахождения формулы гармонизации на примере Молдовы/Приднестровья, а о прагматическом компромиссе – создании сцепок, опор и площадок взаимодействия по линии разрыва, чтобы нейтрализовать растущую на ней напряжённость, включая перспективу неконтролируемой эскалации конфликта. Такой прагматический подход позволит снизить давление геополитических мотиваций и исходить из сложившейся ситуации; цель поиска и согласования компромиссов позволила бы перевести политико-идеологический конфликт в русло политико-технических решений соглашений.

Несомненно важной темой является обеспечение согласованных на прежнем этапе принципов урегулирования, эрозия которых в условиях возросшей конфликтности и неопределённости может привести к необратимым и даже взрывоопасным последствиям. Градус внутреннего конфликта повысился (уголовные дела, открытые в Молдове против должностных лиц Приднестровья, пограничные проблемы, социально-экономические противоречия и т. д.), и усилия гарантов, посредников и наблюдателей необходимо направить на своевременную нейтрализацию конфликтотенных выбросов, а не на поиск виновных. Такой прагматический диалог и возвращение с этим багажом на площадку “5+2” позволило бы дистанцировать молдавско-приднестровское направление от серьёзнейших “украинских” рисков; Москва и Брюссель должны попытаться застраховать себя от ситуации, когда возможная эскалация ситуации на Украине проецировалась бы на приднестровское урегулирование и на отношения между его внутренними и внешними участниками. Москва и Брюссель должны как минимум не допустить, чтобы конфликт их интересов, тем более вокруг украинского кризиса привёл к росту напряжённости между берегами Днестра.

Прошедшие в Молдове в ноябре 2014 г. выборы и формирование коалиционного правительства объективно увеличивают возможности и Москвы, и Брюсселя выстраивать более адресную политику в направлении Молдовы/Приднестровья. Относительно большой постэлекторальный ресурс гибкости молдавских властей даёт возможность, при наличии политической воли внешних игроков, рассчитывать на позитивную заинтересованность сторон конфликта в достижении компромиссов в русле гармонизации и снижения внутренней и внешней конфликтности.

Обоюдной мотивацией России и ЕС становится усилившийся политический запрос на вывод отношений из санкционной логики, и даже поиск для этого необходимого повода, несмотря на заявления Брюсселя о том, что Россия не предпринимает для этого должных шагов. Дополнительные возможности выхода на компромиссы открываются также в русле процесса “Хельсинки плюс 40”, в рамках которого внешние участники приднестровского урегулирования могут попытаться сов-

местить взаимные усилия по укреплению общеевропейских тенденций и сотрудничества на площадке ОБСЕ с нахождением развязок по Молдове/Приднестровью, в том числе путем согласованной линии на задействование потенциала ОБСЕ в качестве одного из посредников, непосредственно не вовлеченного в многоуровневый и многоплановый конфликт интересов других участников формата “5+2”.

Список литературы

Белов В.Б., Потемкина О.Ю. (2014) Россия и Евросоюз – динамика взаимоотношений. / В: *Большая Европа Идеи, реальность, перспективы* / под. Общ. ред. Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова. – М.: “Весь Мир”; Ин-т Европы РАН. – С. 486.

Иванов И. (2015) Чтобы не было войны // сайт РСМД, 19 января 2015. (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5098#top)

Кандель П. (2011) Региональные конфликты в Европе и их урегулирование. Южная Осетия, Абхазия, Косово, Приднестровье, Нагорный Карабах, Кипр / В: Д. Данилов, В. Журкин. Россия и основные международные организации на евро-атлантическом пространстве / В: Безопасность Европы / под. ред. В.В. Журкина (отв. ред.), А.Ю. Бочеввер, О.А. Гриневский, Ал.А. Громыко, Д.А. Данилов, М.Г. Носов. – М.: “Весь Мир”. – С. 204.

Шевченко Р. (2015) Противостояние двух берегов Днестра: год 2014. Итоги и прогнозы / РИА “ДНЕСТР”, “DNIESTER”, 5 Янв 2015. (<http://dniester.ru/node/11791>)

Язькова А. (2012) Республика Молдова: двадцать лет независимости // *Вестник Института Кеннана в России*, Выпуск 21. – М. С. 75–86.

References

Belov V.B., Potemkina O.Ju. (2014) Rossiya i Evrosojuz – dinamika vzaimootnoshenij. / V: Bol'shaja Evropa Idei, real'nost', perspektivy / pod. Obshh. red. Al.A. Gromyko i V.P. Fjodorova. – M.: “Ves' Mir”; In-t Evropy RAN. – S. 486.

Ivanov I. (2015) Chtoby ne bylo vojny // sayt RSMD, 19 janvarja 2015. (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5098#top)

Kandel' P. (2011) Regional'nye konflikty v Evrope i ih uregulirovanie. Juzhnaja Osetija, Abkhazija, Kosovo, Pridnestrov'e, Nagornyj Karabah, Kipr / V: D.Danilov, V. Zhurkin. Rossiya i osnovnye mezhdunarodnye organizacii na evro-atlanticheskom prostranstve / V: Bezopasnost' Evropy / pod. red. V.V. Zhurkina (otv. red.), A.Ju. Bochever, O.A. Grinevskij, Al.A. Gromyko, D.A. Danilov, M.G. Nosov. – M.: “Ves' Mir”. – S. 204.

Jaz'kova A. (2012) Respublika Moldova: dvadcat' let nezavisimosti // *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*, Vypusk 21. – M. S. 75–86.

Popescu N. (2015) Transdnistria and the Association Agreement of the Republic of Moldova with the EU. Working Paper // CMI, Jan. 2015.

Shevchenko R. (2015) Protivostojanie dvuh beregov Dnestra: god 2014. Itogi i prognozy / RIA “DNESTR”, “DNIESTER”, 5 Janv 2015. (<http://dniester.ru/node/11791>).

Transdnistrian settlement: the changed external context

Author. Danilov, Dmitriy. Ph.D., Head of the Department of European security studies, Institute of Europe. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, 125993, Russia. **E-mail:** dm.danilov@mail.ru

Abstract. The article tackles the Transdnistrian settlement issue in the drastically changed external environment. The subsequent challenges have originated in rather intertwined latest developments, specifically, the substantial crisis in the European security and degradation of Russian-Western relations provoked by the “Crimean factor”, the escalating Ukrainian conflict, as well as the legalisation of the contradictory EU-Moldova Association/DCFTA agreements and the Treaty on the Eurasian Economic Union. The common basic interest is to prevent escalation of the Moldovan-Transdnistrian conflict and maintain stability in the area. To this end, the external “5+2” parties, in particular Russia and the EU, should find appropriate mechanisms for interconnection in order to bridge the gap and neutralize the growing tension.

Key words: Transdnistrian settlement, Moldova, Transdnistria, EU, Russia, conflict, Eurasian Economic Union (EAEU), deep and comprehensive free trade area (DCFTA), Ukrainian crisis, 5+2 format .